

Гробница Мамай.

Изъ Софійской лѣтописи *) мы узнаемъ, что въ то время, когда Мамай разбитый в. к. Дмитріемъ Ивановичемъ на рѣкѣ Непрядвѣ „прибѣжа въ землю свою въ малѣ дружинѣ, видя себе бита и побѣждена и посрамлена и поругана, собралъ остаточную свою силу еще въ хотѣ итти изгономъ на Русь. И сице прииде къ нему вѣсть, что идетъ на него нѣкій царь съ вѣстока именемъ Тактамышъ изъ Синіе орды. Мамай же поиде противу его и срътошася на Калкахъ и бысть имъ бой и царь Тактамышъ побѣди Мамай и прогна его... Мамай же гонимъ сый, бѣгая предъ Тактамышышевыми гонители и прибѣже близъ города Кафы и сослася съ Кафинци по докончанію и по опасу, дабы его пріяли на избавленіе, дондеже избудетъ отъ всѣхъ гонящихъ его; и повелѣша ему и прибѣжа Мамай въ Кафу со множествомъ имѣнія, злата и сребра, Кафинци съвѣщашася и сотвориша надъ нимъ область и ту отъ нихъ убіенъ убо бысть тако конецъ безбожному Мамаю...“

Этого достаточно, чтобы допустить вѣроятность могилы Мамай въ окрестностяхъ теперешней Θεодосіи. Если-же мы примемъ въ расчетъ существованіе невдали отъ Стараго Крыма деревни, именуемой Шахъ-Мамай, то какъ-то невольно вѣрится въ лѣтописное сказаніе. Жаль только, что въ татарскихъ теварихахъ объ этомъ событіи не упоминается ничего и не существуетъ положительныхъ доказательствъ въ видѣ надписей и надгробныхъ камней. Правда одинъ татаринъ указывалъ мнѣ на курганъ, какъ на могилу Мамай, но подобныхъ кургановъ на этой мѣстности такое множество, что при всей охотѣ повѣрить, впадаешь въ сомнѣніе. Вслѣдствіе чего мы начали прислушиваться къ полумиѣстическимъ преданіямъ, въ предположеніи найти хоть въ нихъ какой-либо намекъ на это важное событіе, Богъ вѣсть почему отторгнутое татарами Крыма отъ своихъ записей. Вотъ все что мы нашли подходящимъ къ этому происшествію.

„Въ нашей странѣ въ глубокой древности появился одинъ батырь (богатырь), который нѣкогда господствовалъ надъ половиною міра и хотѣлъ во что-бы ни стало завладѣть остальною его частію, чтобы сдѣлаться вторымъ послѣ Бога и владѣть всѣми сокровищами земли.“ Тогда только я буду спокойно спать—говорилъ онъ—тогда только не будутъ беспокоить меня различныя прихоти и желанія, которыя могутъ быть доступны одному хозяину на землѣ—когда все будетъ мое.“

Слова эти онъ никогда не произносилъ съ предварительнымъ призывомъ имени Аллаха на томъ вѣроятно основаніи, что не имѣлъ болѣе надобности въ помощи Творца неба и земли и потому что ему удавалось всякое предпріятіе съ мечемъ въ ру-

*) См. VI т. полного собранія русск. лѣтописей изд. археограф. комиссіею въ 1853 г.

кахъ. Однажды, сидя въ раззолоченномъ шатрѣ своемъ, онъ подзвалъ къ себѣ проходящаго мимо дервиша и спросилъ у него: какъ великъ Божій міръ и сколько надо времени могущественному царю, чтобы побѣдить его?

— Нашъ міръ не имѣетъ конца—отвѣчалъ служитель Аллаха и вопросъ твой не кстати предложенъ мнѣ. Мнѣ хотѣлось-бы знать кто этотъ дерзкій, который желаетъ присвоить себѣ власть Божію.

— Это я!—отвѣчалъ шахъ.

— Какой же ты думаешь дать отвѣтъ Богу на судъ его за такое желаніе?

— Для Аллаха я думаю нѣтъ надобности вмѣшиваться въ чловѣческія дѣянія: у него есть свое царство ангеловъ и джинновъ.

— Шахъ богатырь, ты произносишь хулу и это не пройдетъ тебѣ безнаказно, если ты не покаешься—сказалъ дервишъ.

— За меня обязаны молиться мои подданные, которымъ я даю средства къ жизни и берегаю ихъ отъ обиды. Такія заслуги должны высоко цѣниться и на небѣ.

— Ты это дѣлаешь только для своей пользы, если мечтаешь покорить своей власти весь міръ. О, берегись гнѣва Божія, который можетъ внезапно наслать на тебя ничтожнаго съ вида, но могущественнаго по силамъ, врага и отъ славы твоей не останется ни единой пылинки.

— Вижу почтенный дервишъ, что ты глупъ, какъ всѣ собратья твои. Иди-же своей дорогой и не смѣй впредъ показываться на мои глаза.

Дервишъ поднялся съ мѣста.

— Твое приказаніе я исполню, но помни и ты, что въ трудную минуту твоей жизни какъ-бы ты не взывалъ къ моей помощи, я и тогда не забуду этого приказа. Съ этими словами старикъ скрылся изъ виду.

Тѣмъ временемъ могущественный шахъ задумалъ побѣдить одно большое государство и приказалъ двинуться войскамъ своимъ впередъ. Состоящіе при немъ муллы предложили ему предварительно принести Богу жертву и испросить благословеніе пророка.

— Оставьте ихъ въ покоѣ—отвѣчалъ повелитель—ни одинъ изъ нихъ не сойдетъ ради насъ и не прольетъ своей крови за меня. Я лучше угощу моихъ воиновъ наканунѣ битвы—это будетъ понадежнѣе.

— Султанымъ—отвѣчали муллы—ты этими словами можешь оскорбить пророка и онъ станетъ помогать врагамъ твоимъ.

— Тѣмъ хуже для него: онъ пострадаетъ вмѣстѣ съ ними.

Услышавъ такую хулу, улемы съ трепетомъ взяли за бороды и молча возвратились въ свои улусы.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя безбожный шахъ вступилъ въ чужія земли и все преклонялось предъ нимъ, какъ предъ божествомъ. Такъ прошелъ онъ одну треть царства и былъ уже увѣ-

рень, что пройдетъ его вдоль и поперекъ, не встрѣчая ни малѣйшаго сопротивленія. Какъ вдругъ предъ нимъ выросли лѣса вооруженныхъ людей. Шахъ потеръ руки свои отъ удовольствія, что наконецъ онъ увидитъ потоки враждебной крови и услышитъ звукъ оружія. Отдавъ необходимыя приказанія, онъ вмѣсто молитвы приказалъ созвать всѣхъ музыкантовъ и началъ пировать. Покончивъ съ удовольствіями, онъ приказалъ 12-ти слугамъ вывести къ нему лучшаго коня своего и, вскочивъ на него, сдѣлалъ знакъ войнамъ своимъ наброситься на дерзкихъ, рѣшившихся оказать сопротивленіе.

— Никого не падить! закричалъ онъ и помчался впередъ.

Но только что отважные воины хотѣли пустить въ дѣло свои пики и сабли, какъ подъ ними задрожала земля и надъ головами ихъ появились какіе-то чудовища, поражающія ихъ камнями, грязью и засыпающія глаза ихъ бѣдою пылью. Храбрецы засуетились и вынуждены были остановиться. Тѣмъ временемъ враги начали наносить имъ раны и такое истребленіе, какого до того не совершалось на землѣ.

Ужаснувшійся шахъ повернулъ скакуна своего и бросился бѣжать. Воины его слѣдовали за нимъ и остановились только тогда, когда не представлялось опасности.

Три дня спустя шахъ увѣрилъ спасшихся отъ смерти, что несчастіе это было случайно причинено облаками пыли, поднятой вѣтрами, и что онъ приказываетъ вновь собраться въ походъ, чтобы поразить до единого дерзнувшихъ тщеславиться побѣдою.

Улемы вторично предложили ему принести жертвоприношеніе.

На этотъ разъ ханъ приказалъ сбрить имъ насильственно бороды за дерзкіе совѣты. Только что приказаніе это начали исполнять, какъ прискакалъ гонецъ съ заявленіемъ, что одно изъ завоеванныхъ шахомъ ханствъ взбунтовалось противъ него и поработенные, избравъ вожди, намѣрены помѣриться съ нимъ силами.

— Ты лжешь! вскрикнулъ ханъ и приказалъ отрубить вѣстнику голову.

Но не успѣло еще остынуть тѣло невинно пострадавшаго, какъ показались тучи враговъ, которые въ пухъ и прахъ разбили всѣхъ тѣхъ, которые не перешли на ихъ сторону. Изумленный такому внезапному повороту своей судьбы, шахъ бросился бѣжать съ своими богатствами, но такъ какъ впереди и сзади у него были враги, то онъ направился къ берегамъ Азакъ деныза и, нанявъ большой корабль, на который перенесены были всѣ его сокровища, пустился искать своего счастья въ чужихъ странахъ. Какъ долго онъ плавалъ по водамъ, Богъ знаетъ, и наконецъ онъ прибылъ къ одному изъ бывшихъ тогда въ Крыму большихъ городовъ, куда о немъ достигла слава, и началъ просить у гражданъ дозволенія высадиться на ихъ берегъ. Граждане согласились охотно, когда узнали, что онъ обладаетъ громадными богатствами. Проживъ у нихъ нѣкоторое время, онъ началъ довольно часто отлучаться на хуторъ свой, гдѣ намѣревался поселиться,

а тѣмъ временемъ задался мыслью покорить своей власти не только тѣхъ, которые дали ему пріютъ, но и всю страну. Безбожному человѣку казалось, что онъ созданъ господствовать надъ міромъ и доля обыкновеннаго гражданина тяготила его. Для достиженія цѣли онъ началъ населять хуторъ свой всѣми дурными людьми и заманивать къ себѣ тѣхъ, которые нѣкогда благоволили предъ его могуществомъ и принимали его за божество. Когда число этихъ отважныхъ дошло до степени удовлетворяющей надежды шаха, онъ приказалъ имъ по одиночкѣ, въ различное время и разными воротами входить въ пріютившій его городъ и ожидать того момента, когда онъ подастъ сигналъ броситься на городскую стражу и, обезоруживъ ее, завладѣть всѣми укрѣпленіями. Для успѣха въ этомъ предпріятіи не представлялось ровно ничего труднаго, такъ какъ въ городѣ не было надобности держать много войска и не предвидѣлось никакой опасности. Шахъ, упоенный надеждами снова господствовать и вновь сдѣлаться львомъ наперекоръ Аллаху и святому пророку, которые отвергнули его отъ лица своего, забылся на минуту и повѣдалъ радость свою одному изъ усердныхъ слугъ своихъ, который хозяйничалъ и оберегалъ покой его со дня прибытія въ чужой городъ. Слуга раздѣлил радость свою съ женою. А всѣмъ извѣстно, что когда женщины бываютъ посвящены въ какую нибудь важную тайну, онѣ, чтобы доказать права свои на мужей, стараются разгласить все извѣстное имъ встрѣчнымъ и поперечнымъ. Такъ случилось и въ настоящемъ случаѣ. Тайна шаха въ первый же день облетѣла весь кварталъ и дошла до ушей градоправителей, которые и безъ того уже съ безпокойствомъ поглядывали на толпы подозрительныхъ людей, безъ занятій бродящихъ по ихъ городу. Понятно, что по требованію ихъ всѣ жители вооружились и приготовились къ отчаянному сопротивленію. Не зная послѣдняго распоряженія, шахъ въ полночь подалъ сигналъ и самъ явился руководителемъ отважныхъ головъ, но въ какую онъ улицу не вступалъ, его вездѣ встрѣчали градомъ пуль и снѣгомъ стрѣлъ, но трусить не было въ натурѣ человѣка, отвергнувшагося отъ лица Господня. Дѣйствуя напроломъ, онъ бросился на важнѣйшія городскія башни, которые въ обыкновенное время защищались десяткомъ служителей, но встрѣтивъ и тутъ сотни защитниковъ, закончилъ тѣмъ, что, потерявъ всѣхъ почти сообщниковъ, долженъ былъ бѣжать и скрыться въ городскомъ бассейнѣ въ надеждѣ, что авось придетъ за водою одинъ изъ пріятелей, который выведетъ его въ темную ночь изъ города, которому онъ вмѣсто благодарности принесъ много зла. Просидѣвъ въ темныхъ корридорахъ водохранилища два дня, онъ внезапно услышалъ чей-то вздохъ и слѣдующую рѣчь: „несчастный шахъ, ты-ли это тотъ безбожникъ, который мечталъ по личной волѣ сдѣлаться вторымъ послѣ Бога! Хотѣлось-бы мнѣ послушать теперъ твои дерзкія слова. Навѣрно теперъ ты созналъ свое ничтожество передъ Творцомъ міра и трепещешь за

жизнь свою, если только не лишился ея вмѣстѣ съ тѣми несчастными, которые въ безуміи пожертвовали тебѣ своими буйными головами. Воображаю какъ-бы ты благодаренъ былъ пророку, еслибъ онъ сохранилъ тебѣ твою жизнь, если только она не утрачена тобою въ наказаніе за богохульство! О несчастный, ищущій всеобщаго господства, теперь ты не вправѣ господствовать надъ своими ногами и лишенъ надежды восхищаться даже тѣми надеждами, которыя утѣшаютъ всякаго мусульманина въ загробной жизни. Жаль мнѣ тебя, неумѣвшаго сберечь сіянія своего и возставшаго безъ надобности противъ Бога, озарившаго тебя всѣми милостями, но отнынѣ ты отброшенъ отъ лица Его и ни одна гадина не станетъ служить тебѣ, чтобы не оскорбить святаго пророка. Сказавъ это, дервишъ склонилъ голову и началъ утирать выступавшія изъ глазъ его слезы.

Шахъ, видѣвшій и слышавшій все это, рѣшился приползти къ нему и попросить его помощи убѣжать изъ враждебнаго города. Убѣдившись, что знакомый ему дервишъ сидитъ одинъ и не выдастъ его, онъ началъ раскayваться въ прошлыхъ заблужденіяхъ своихъ и умолять оказать ему состраданіе.

— Все напрасно шахъ—отвѣчалъ онъ со вздохомъ—твоя участь рѣшена уже на небѣ и никакія усилія человѣка не измѣнятъ священнаго приговора.

— Я не о томъ спрашиваю тебя мой братъ. Пусть будетъ со мною, что опредѣлено на небѣ, но ты выведи меня изъ этого адскаго положенія: я умираю отъ голода и холода, я трепещу за жизнь свою и боюсь быть разстерзаннымъ тѣми, которыя дали мнѣ пріютъ и защитили отъ враговъ.

— И которыхъ ты за это хотѣлъ сдѣлать рабами своими?

— Къ несчастію я привыкъ всѣми повелѣвать и не могъ воздержаться отъ врожденной привычки.

— А помнишь-ли ты твой приказъ не показываться тебѣ на глаза? Если бъ ты остался-бы при своей силѣ, то можетъ быть приказалъ обезглавить меня за нарушеніе твоей воли, но теперь когда нуждаешься въ моихъ услугахъ ты совѣмъ другое говоришь.

— Не упрекай меня дервишъ въ моихъ грѣхахъ. Отнынѣ я намѣренъ посвятить себя только однимъ добрымъ дѣламъ.

— Поздно шахъ ты опомнился, но чтобы тебѣ доказать мою готовность служить ближнему, я сегодня же ночью выведу тебя за городскую стѣну и предоставляю тебѣ свободу любоваться Божьимъ міромъ. Жди меня въ полночь. Съ этими словами дервишъ ушелъ.

Въ назначенный часъ онъ прибылъ къ городскому скопищу воды и, вызвавъ шаха, увлекъ за собою; а нѣсколько минутъ спустя онъ вывелъ его за городъ канавою, по которой спускалась дождевая вода въ море.

— Прощай шахъ—сказалъ дервишъ,—я сдѣлалъ свой долгъ, но сбережешь-ли ты жизнь свою въ этой странѣ, объ этомъ

знаешь Богъ. Бѣги лучше и не останавливайся до того времени, пока не придешь къ народу, не знавшему твоего имени.

— Я готовъ тебя послушать, но мнѣ предварительно надо захватить мои сокровища, которыя я скрылъ въ подземельяхъ моего хутора.

— Брось ихъ несчастный; чтобы они не напоминали тебѣ твоего минувшаго безбожія и не тяготили твою душу.

Шахъ не хотѣлъ болѣе слушать избавителя своего и бѣгомъ пустился по направленію къ своему помѣстію. Съ каждымъ шагомъ дальше отъ опасности бѣглець мужалъ и начиналъ думать о возможности отмстить непокорнымъ людямъ и достигнуть во чтобы ни стало своего утраченнаго величія. Пришедъ домой и вострѣтивъ радостный пріемъ отъ слугъ своихъ, шахъ послѣ удовольствія аппетита, забылъ уже про всѣ неудачи свои и жестоко клинулъ пророка, вздумавшаго издѣваться надъ нимъ. Понятно, что каждая мысль его была подслушана ангелами и доведена была до великаго законодателя, который не вытерпѣлъ болѣе и приказалъ направить на него толпу ожесточенныхъ враговъ.

Шахъ грызъ отъ нетерпѣнія губы свои въ то время, когда домъ его былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ. Вооружившись саблею, онъ бросился на враговъ, но въ эту минуту въ тѣло его вонзились сотни пикъ и онъ палъ какъ снопъ, сброшенный съ мажары.

— Гдѣ ты спряталъ твои сокровища? спросили его.

— Такъ вы ради ихъ посягнули на мою жизнь? спросилъ умирающій.

— Да—было отвѣтомъ.

— Я готовъ отдать ихъ вамъ, если вы дадите мнѣ спокойно умереть.

— Говори скорѣе и мы оставимъ тебя.

Шахъ и въ эту минуту надѣялся ожить для того, чтобы со временемъ расплатиться съ человѣчествомъ по своему. Указавъ на подземелье свое, онъ потребовалъ перенести себя на мягкое ложе, но прежде чѣмъ свѣтило дня озарило землю, его покинула душа.

Преданные ему слуги изъ боязни, чтобы и тѣло его не подвергнулось посмѣшищу, поспѣшили навалить надъ могилою его цѣлый холмъ земли и разбѣжались въ различныя стороны, чтобы не слышать по ночамъ ржанія и скрежета зубовъ изъ свѣжей гробницы. Впослѣдствіи на этомъ курганѣ ежегодно видѣли медвѣдя, который начиналъ свой ревъ съ полуночи до того времени, пока можно было отличить черную нитку отъ бѣлой.

Такимъ бываетъ конецъ людей, мечтавшихъ о господствѣ надъ міромъ безъ соизволенія пророка.